

**И.А. Бирич,
О.Е. Давыдова**

Изучение национального бытия в контексте философии культуры

В статье рассматривается культура как духовный феномен национального бытия и раскрывается диалектика универсальных законов проживания народов и проявления их национальной самобытности.

Ключевые слова: историческая память народа; культурная традиция; этнос; «месторазвитие»; нация; национальная культура; национальный космос; национальный логос; национальный образ народа.

Народы развиваются, прокладывая тернистый путь к проживанию своей уникальной, самостоятельно выстраданной истории. Система культурных ценностей и идеалов веками вырабатывается и хранится в памяти народа. Мы хорошо знаем, что подразумевается под понятием «память человека», но не всегда однозначно можем утверждать, что такое «память народа» или «историческая память народа».

Очевидно, что любой человек, имеющий представление о пространстве и времени, так или иначе относит себя к определённому обществу окружающих его людей, с определёнными признаками поведения, правилами общежития и определёнными представлениями о своём прошлом через родовую связь своей семьи с данным обществом. При этом с опытом он усваивает обычные занятия, традиционные виды деятельности, критерии оценки поведения, принятые в обществе и семье. Воспринимая окружающую среду как определённую модель жизни, индивид идентифицирует себя с определённой этнической, национальной или идеологически-религиозной группой. Тем самым он подтверждает приверженность определённой культурной традиции, совершая свой выбор на основе внутреннего чувства родства с исторической памятью своего народа. На наш взгляд, культура реализует онтологически заданную в человеке потребность выразить себя в созидательном труде, гармонизирующем его отношения с обществом и природой.

Культура как духовный феномен национального бытия как раз и соотносится с исторической памятью народа, которая генерирует позитивные программы деятельности, поведения и общения людей. Это позволяет иметь упорядоченный и предсказуемый характер жизни, так как делает человека причастным к конкретной культуре.

Необходимым условием конструктивного взаимодействия разных народов является понимание того общего, универсального, человечески значимого, что

лежит в основе культуры любого народа, и того уникального, самобытного, что лежит в основе культуры национальной. Данное противоречие и является предметом исследования философии культуры. Постараемся проанализировать некоторые методы определения модели национальной культуры, представленной в разнообразных философских текстах, раскрывающих национальную картину мира.

Исследование по данному вопросу впервые было начато немецкими романтиками конца XVIII в. (И. Гердер) и было активно воспринято русской общественной мыслью середины XIX в., в частности в статьях литературного критика В.Г. Белинского. Национальное — первичное зерно, по мнению Белинского, из которого произрастает поэтапно, то есть стадийно развиваясь, человек в своей природе, общество в своём историческом развитии, определяется духовная идея, совершается определённая деятельность и создаётся та часть общечеловеческого достояния, что называется культурой. Содержание деятельности и творчества каждого народа подчиняется уникальному набору принципов и смыслов, заключённых во взгляде этого народа на окружающий мир. Эти смыслы раскроются только для того, кто имеет тот же ракурс взгляда на действительность и обладает той же системой ценностей.

В.Г. Белинский указывает на необходимость философской оценки особенностей той или иной культуры, «сумму правил, которыми держится общество». Эта особенная «манера понимать вещи», или ментальность, заключается в своеобразных суждениях, укоренённых в исторической судьбе, структуре и формообразованиях национального языка, особенностях национального мышления и организации быта [1: т. 3, с. 507].

«Словесность, письменность и литература, — продолжает рассуждать В.Г. Белинский, — суть три главные периода в истории народного сознания, выражающегося в слове» [1: т. 3, с. 507]. Уже в устном народном творчестве, поэтических эпических текстах, в ранних художественных образах, дошедших до нас, читается содержание будущих национальных представлений о мире. Это первый период — дописьменный период народного сознания, выраженный в устном народном творчестве: песнях, мифах и сказаниях, в орнаментальных и сакральных знаках и фигурах оберегов, украшениях жилища, одежде и предметах быта, которых стало такое количество, что они потребовали записи, т. е. письменности как более надёжного хранителя информации.

Сама письменность (иероглифо-графическая, руническая, клинопись, слоговая, буквенная) есть отражение определённого характера складывающейся культурной традиции и системы мышления. Это второй период развития культуры народа. Надо вспомнить, что письменность есть изображение или отражение звуков речи, то есть перевод мысли из временной формы в пространственную доступными конкретному воображению средствами. Вот и имеем мы сейчас памятники эпической поэзии и мудрости древних цивилизаций, которые фрагментарно свидетельствуют о смыслах существования человечества и понимания счастья человеком тысячи лет назад.

Третий период развития культуры народа, выраженного в слове, — появление литературы. Далеко не каждый народ имеет свою литературу, полагает В.Г. Белинский. Он ставит наличие национальной литературы в зависимость от исторического этапа развития народа в достижении общечеловеческих высот культуры, объясняя расцвет великой русской литературы.

В статье «О литературе» В.Г. Белинский раскрывает своё понимание литературы как «сознания народа», как общедоступного «достояния», воплощённого в «произведениях его ума и фантазии». Тем более, что в самой русской литературе середины XIX в. содержались истоки и русской философии, пока не отделившейся в отдельную отрасль знания.

Далее в статье Виссарион Григорьевич развивает свою мысль о современных ему европейских народах Италии, Франции, Германии, Англии, Австрии и Пруссии. Он отмечает, что литературы этих народов отражают последовательное развитие и рост национального духа, выросшего как «единый живой организм», ставшего выражением общечеловеческой исторической судьбы. Парадоксальный вывод делает Белинский: если в национальном развитии народа не отражается развитие человечества, этот народ не может иметь свою литературу.

Белинский выделяет особенности ведущих европейских народов, сравнивая качество их литератур. При этом он делает прогноз: «Стена национальности между народами постепенно падает; дружественно и братски начинают они делиться духовными дарами своего национального исторического развития... и постепенно сливаются в единое семейство человечества» [1: т. 2, с. 94] в результате взаимопроникновения и доступности плодов культуры. Белинский был уверен, что люди должны интересоваться достижениями просвещения, что наука займёт достойное место в обществе, национальные различия сотрутся.

Противоположным образом представлял себе развитие европейской культуры и цивилизации русский мыслитель 2-й половины XIX в. Н.Я. Данилевский, внесший в русскую историософию известную концепцию культурно-исторических типов, действующих в истории [10]. По его концепции, никакой сквозной прогрессивной линии развития единой цивилизации не существует, а существуют на карте планеты отдельные народы, создающие свой самобытный культурно-исторический тип развития («организм»), оставляющий после своего ухода с исторической арены памятники культуры, которыми можно пользоваться, но которым нельзя подражать.

Таких типов Н.Я. Данилевский за период в несколько тысячелетий выделил и кратко описал одиннадцать. При этом современный романо-германский культурно-исторический тип, по его концепции, уже угасает, культура его упрощается, теряет набранную когда-то духовную высоту. Зато новый славянский (с русским народом во главе) входит в пору роста и «цветения» культуры, демонстрируя ее многообразие и сложность.

Среди современников Данилевского эта его концепция вызывала разные отзывы и споры. Если Н.Н. Страхов, Ф.М. Достоевский и К.Н. Леонтьев её поддержали, то В. Соловьёв категорически отверг эти идеи, назвав их в противовес «крылатой утопии» Платона — «ползучими» и вредными [11: с. 336]. Выйдя в свет в 1871 г. и пережив еще три издания (1888, 1889, 1895), книга Н.Я. Данилевского «Россия и Европа» оказалась непонятой в русской философской среде.

К ее внимательному прочтению вернулись благодаря вышедшей в Европе в начале XX в. книге О. Шпенглера «Закат Европы» [13]. Немецкий философ де факто развивает концепцию Н.Я. Данилевского (правда, не ссылаясь на него). Он пишет книгу, в которой особенность каждой культуры связывает с «материнским ландшафтом». Определяя возраст «культурного типа», Шпенглер вводит критерий его духовной зрелости в зависимости от уровня взаимодействия с цивилизационными (социальными, экономическими) процессами. Судьбе России Шпенглер посвятил 2-й том своей книги. Вслед за Данилевским он прогнозирует, что «материнский ландшафт» России должен дать духовные всходы новой культуры, образ которой он связывает с именем Ф.М. Достоевского, и предрекает ей будущий расцвет.

Работа О. Шпенглера, переведенная на русский язык, была воспринята как «философская симфония» и вызвала активное обсуждение ее в учёной среде. Четыре известных философа Н.А. Бердяев, Я.М. Букшпан, Ф.А. Степун, С.Л. Франк в 1922 г. подготовили к изданию книгу «Освальд Шпенглер и закат Европы» [3]. Взгляды авторов на действующие силы в истории настолько отличались от господствующей идеологии большевиков, что набор книги был рассыпан, а авторы оказались пассажирами «философского парохода».

А ведь разговор в книге строился именно вокруг взаимодействия культуры и цивилизации. Тогда и стал строиться понятийный аппарат собственно философии культуры. Так, Н.А. Бердяев отождествил философию культуры с философией истории, которые должны иметь в своём начале, основании традиционное народное предание. Человек как субъект культуры понимается Бердяевым заключённым в рамки исторической судьбы своего народа. Таким образом, национальная идентичность необходима для возможности вообще говорить о культуре и истории народа. Но одновременно культура и история народа неизбежно соотносятся с судьбой человечества. Индивид должен принять свою судьбу и в своей судьбе — историческую судьбу.

Именно так, через историческую память и причастность к ней представляет Бердяев отношение человека к своей родной национальной культуре, определяя для России путь духовного преображения как единственный верный. Национальную идентичность любой человек определяет внутренним чувством, эмоциональным откликом и этическими установками под воздействием общей судьбы народа.

С исчезновением культуры заканчивается и история народа — наступает конец истории. Будучи последователем В. Соловьёва в его историософии, Бердяев

тем не менее развивает мысли и К.Н. Леонтьева, и О. Шпенглера о противостоянии культуры и цивилизации: «Во всякой культуре, после расцвета, усложнения и утончения, начинается иссякание творческих сил, удаление и угашение духа, убыль духа. Меняется всё направление культуры. Она направляется к практическому осуществлению могущества, к практической организации жизни в сторону всё большего её расширения по поверхности земли», — писал Бердяев [2: с. 205].

Пережив две мировые войны в Европе, Бердяев пытается объяснить ситуацию тем, что в мире завершается расцвет культуры и наступает эпоха господства цивилизации. Воля к жизни, выраженная в жизни превратившегося в толпу общества, появление экстремистских течений стали отличительными признаками предвоенного времени. Если тотальная социализация общественных отношений разрушает основу самоидентичности человека как субъекта культуры, ограничивает возможность творческой деятельности, необходимой для реализации потенциальных возможностей индивида, то напротив, культура всегда имеет национальный характер и национальные корни. Интернациональная культура невозможна. Только техника носит интернациональный характер.

Национальность есть культурно-исторический факт, утверждал Бердяев. Культура не реализует новую жизнь, новый способ существования, по мнению Бердяева, но реализует новые ценности. Все достижения культуры более символичны, чем реалистичны. В свой творческий период культура создаётся не ради практических целей, а ради самих ценностей. Представления об истине создаются ради самой истины и познания, представления о красоте — ради самой красоты, а представления о добре — ради самого добра. Философия культуры предметом своего познания имеет с этой точки зрения «духовную действительность», она есть «наука о духе, приобщающая нас к тайнам духовной жизни» [2: с. 22].

К концепции Н.Я. Данилевского обратились и евразийцы, создав своё оригинальное направление в среде русского интеллектуального движения за рубежом. Так, один из идеологов евразийства Николай Сергеевич Трубецкой, профессор Софийского университета, в 1920 г. опубликовал статью «Европа и человечество», подытоживая сложившиеся за десять лет свои взгляды на европейскую культуру. Евразийцам было очень близко учение Данилевского о культурно-исторических типах, доведённое Трубецким до крайней теоретической отточенности: нет культур высших и низших — есть различные; нет плохих или хороших культур, нет таких критериев, с помощью которых можно объективно сравнить одну национальную культуру с другой, они все своеобразны и ценны по-своему.

Целиком разделяют евразийцы и взгляды Данилевского на проблему противостояния России и Запада. Они резко критикуют попытки отдельных представителей европейской цивилизации абсолютизировать свои ценности, выдать свою культуру за общечеловеческую. Необходимо понять, рассуждают евразийцы, что

та культура, которую русским поднесли под видом общечеловеческой цивилизации, на самом деле есть культура лишь определенной этнической группы романских и германских народов.

Изучавший проблемы русской культуры, наблюдавший Первую мировую войну и русские революции с их последствиями для народа и культуры, Н. Трубецкой пытался вскрыть суть происходящего. Речь идёт о теоретических основаниях европейского космополитизма, который по факту является общероманогерманским шовинизмом. Трубецкой относит этот феномен к разновидности бессознательного психологического предрассудка, называемого им эгоцентризмом. Когда эгоцентризм распространяется на целую нацию, дело разрешается или экономической борьбой, или даже войной (прогноз будущей Второй мировой войны оказался очень точным). «Европейцев же, которые признавали бы культуры так называемых «дикарей» равноценными с культурой романогерманской — таких европейцев мы не знаем вовсе. Кажется, их просто нет» [12: с. 12].

Что касается истории нероманогерманских народов, то «если она не кончается заимствованием европейской культуры, все последние, ближайшие к нашим дням этапы этой истории, согласно всему вышесказанному, неизбежно должны рассматриваться европейскими учёными как эпоха застоя или упадка. Только когда такой нероманогерманский народ отказывается от своей национальной культуры и предается слепому подражанию европейцам, романогерманские ученые с удовольствием отмечают, что этот народ «вступил на путь общечеловеческого прогресса». Основанная на чувствах душевная жизнь людей, полагает Н. Трубецкой, должна уступить место указаниям разума. Только на логических научных основаниях можно строить национальную идеологию.

Чем многосложнее состав народа, тем сложнее источник самобытности его культуры. По этому пути исследования новых признаков русской культуры пошли евразийцы. Определение «русский этнос» им показалось узким для объяснения самобытности русской культуры. Если же это «суперэтнос», то и территория, занимаемая им, это уже не просто Россия, а Евразия.

В историческом развитии человечества культура порождается этносом. Этнос — это сообщество людей, имеющих общие происхождение, обычаи, традиции, верования, психологию, язык, а также привязанность к конкретной территории проживания. Евразиец П.Н. Савицкий привязывает само развитие этноса к месту, топографическому ландшафту как более широкой значимости для социобиологической общности, который характеризуется через понятие «месторазвитие», что предметно отражено в самобытном культурном наследии народов. И действительно, огромное количество мифов, фольклор, история искусства свидетельствуют об укоренении народной традиции, одухотворяющей природную среду обитания и фиксирующей отношение к ней этнического сообщества. А с точки зрения историка и географа Л.Н. Гумилёва, этнос — вообще понятие географическое.

Давайте вспомним, как и когда образовался наш народ, и мы увидим ясные ответы на вопрос «кто мы?» В очерках этнической истории Л.Н. Гумилёв, говоря о возвышении Москвы при Иване Калите, отмечает, что основной заслугой его стало воплощение нового принципа строительства государства — принципа этнической терпимости. Силой, связующей всех жителей Московского княжества, включая переселенцев из Литвы и бежавших от хана Узбека ордынцев, стала православная вера. «Так, исподволь, во всей Северо-Восточной земле восторжествовало православие, хотя при этом сохранились и некоторые языческие обычаи» [7: с. 143]. Развивая далее мысль об образовании на территории Московского государства новой общности, в которую влились пассионарии с запада и востока, объединённые духовным единством с коренным населением, Гумилёв констатирует образование в XIV в. нового этноса — великорусского.

Общность, сложившаяся из различных этнических субстратов, считала главным авторитетом на Руси — митрополита. Это был по национальным особенностям уже совершенно иной этнос. Именно тогда Русь приняла самоназвание «Святая». Характерный эпитет указывал, что на месте старой Киевской Руси возникла новая этносоциальная система — Московская Русь. В ней и появились силы противостоять внешним угрозам. Можно констатировать, что именно это многонациональное общество исторически развивалось на территории нашего государства вплоть до начала XXI в. Важно понимать, что логика развития России всегда была укоренённой в национальные традиции, обеспечивающие сохранность духовного единства в границах полиэтнического пространства государственного образования. Попытки трансформации российской культурной идентичности ведут к разрушению общества с опасными последствиями.

Перед угрозой глобализации новую жизнь в исследование национальных культур во второй половине XX в. вдохнул отечественный мыслитель, писатель и культуролог Г.Д. Гачев. Он создал свой метод исследования национальных культур. После выхода из печати книги Георгия Гачева «Национальные образы мира» [5] автором были реконструированы 20 культурных моделей. Наконец, Гачев пишет книгу, где объясняется его исследовательский метод, «Космо-Психо-Логос» [4]. Этот его последний опубликованный при жизни труд является методологическим ядром серии сравнительного описания культур и миропонимания разных народов.

По Гачеву, народ — дитя природы и родины. Природа и Культура находятся в отношениях диалога и дополнительности: «Национальное (как и этнос, и язык), конечно, подвержено социальным, классовым дифференциям, растяжениям и расколам («две культуры в каждой национальной культуре»)… но нужно выяснить, что может быть раскалываемо. Национальный образ мира складывается в религиозных пантеонах, космогониях, просвечивает в наборе основных архетипов-символов в искусстве» [4: с. 10].

Отделяя общечеловеческие неделимые для любой национальной культуры черты, автор буквально нащупывает решение, схваченное из незначительных, еле уловимых признаков, особенности конкретного народа, чаще всего из художественных литературных произведений, которые всегда несут эмоциональную окраску и чаще всего показывают вектор движения. И далее, конечно, топография. Определившись с координатами и ландшафтными особенностями, Гачев переходит к натурфилософии. В звучании национального языка он определяет стихии, их значимость, избыточность и недостаток того или иного компонента. На этом этапе исследования уже можно точно определить занятия людей, их виды деятельности, чаще всего встречающийся темперамент. Высшие задачи и цели этноса поставлены уже в мифологии, и в общих чертах можно ответить, что в культуре восполняет конкретный народ, не имея этого от природы. Это всегда будут духовные задачи, питающие культурные ростки.

Работы Г.Д. Гачева являются в некотором смысле послесловием к книге Н.Я. Данилевского «Россия и Европа» о ценности культурно-исторического типа того или иного народа. Гачев считал размышления Данилевского до сих пор актуальными с точки зрения политологии. В этюдах о русских религиозных философах в «Русской думе» он пишет, что Н.Я. Данилевский — это «толковый реалист и деятель, неутомимый шелкопряд ткани русской цивилизации» [6: с. 37]. С точки зрения Гачева, в труде «Россия и Европа» даны принципы концепции Государства, противопоставленные Н.Я. Данилевским воззрениям Ф. М. Достоевского.

Однако в этом труде Данилевского, претендующего на «научный метод» в философии истории, по мнению Гачева, отсутствует дыхание, «дух живой». Мыслитель не видит, что кроме судьбы народа есть свобода — воли и усилия превозмочь «заданность природы и вещества». В «России и Европе» не ставились проблемы личности. В то время как Г.Д. Гачев в своих опытах экзистенциальной культурологии исследует общие национальные качества, собираемые из глубоко личных для любого человека проявлений архетипа. Он заглядывает внутрь представлений человека, смотрит на мир его глазами, ощущает внешнюю среду и выстраивает его логику мышления как представителя той или иной национальности.

Первоисточник национальной целостности у Г. Гачева составляют: природа (пространство–время), этнос, язык, история, быт, труд, культура — музыка, танец, игры, литература, наука. История у него имеет два измерения — по вертикали и по горизонтали. Если рассматривать историю по горизонтали, то происходит уход культуры от национальной сути к единой мировой цивилизации. При вертикальном рассмотрении — народ стремится к тождеству со своей природой: «...приноравливается к Природе и в одежде, и в вещах быта, и в красках живописи, в песнях; телодвижениями в танце очерчивает структуру национального пространства-времени» [4: с. 17]. Хотя автор отказывается от «логической

обязательности» и скорее «показывает, а не доказывает», глубина изображения национальной целостности в книге не теряет в своей полноте, оставляя читателю право иметь свою точку зрения. Возможно, это происходит от манеры рассуждения автора и формы дневниковых записей. Самым трудным, считает Гачев, является понимание логики мышления другого народа, национальный Логос.

Критерии сравнения национального Космоса, психологии и Логоса автор устанавливает, рассматривая каждый элемент отдельно для каждого народа; в предметах культуры и быта он видит «книгу человеческой психологии». Космос интересен автору «натурфилософски»: как происходит его «переливание» в национальный склад мышления и творчества. Предпосылкой своего исследования автор называет очевидные факты истории XX в., в ходе которого все народы сблизились и унифицировались по быту, информационным возможностям и мышлению. Все народы пользуются достижениями информационных и инновационных технологий, а население стран понимается как общество потребителей товаров и услуг без оглядки на ментальности и национальные особенности. Но разным, необщим, особенным остаётся всё-таки у каждого народа свой инвариант бытия и ценностные ориентиры, всё реже вспоминаемые в гонке за личным успехом. Георгий Гачев поддерживает концепцию диалога культур. Идея диалога культур стала ответом на идею столкновения цивилизаций, высказанную сначала А. Тойнби, а затем С. Хантингтоном.

Сегодня в социальной философии и социологии широко обсуждается новое понимание категории «нация». Нация в современной науке описывается прежде всего как общность экономической жизни, территории, языка, и в последнюю очередь — культуры. Отсюда желание маленьких стран войти в различные геополитические союзы. Нация есть государство граждан с общим происхождением и традициями; нация предполагает осознанное желание её граждан жить совместно. На Западе в этой связи возникает термин «мультикультурализм», целью которого, по исследованиям наших коллег, является возможность «деконструкции национальных культур», обострение проблемы культурной самоидентификации народа, которая в современную эпоху часто приобретает вненациональный смысл (см. материалы, посвящённые влиянию глобализации на этнические процессы в мире: [8: с. 79–102]).

В связи с происходящими процессами адаптации нации к условиям глобализации надо принять к сведению, что в России достаточно сильна ценность традиции, и именно этническая культура воспринимается в качестве категории, обеспечивающей преемственность поколений, придающей устойчивость социальному развитию, наполняющей смыслом прошлое, а значит, и будущее народа. Согласно данным социологических исследований, культурная идентичность для россиян обладает гораздо большей значимостью, чем идентичность гражданская. Культурная идентичность, которая проявляется прежде всего в языковой общности, а также религиозная терпимость и взаимопонимание

между различными религиозными конфессиями, исторически сложившиеся в России, проявляются здесь гораздо ярче, чем во многих других полиэтнических государствах, где идентичность основана в большей степени на гражданских принципах и на идее нации.

Итак, анализ некоторых культурфилософских текстов выявил два подхода к определению сущности национальных культур: универсальный — духовный и особенный — географически-исторический. Оба зиждутся на основе утверждения, что любая культура национальна, развивается стадийно, как растение, укоренённое в почву родной природы, месторазвития.

Одновременно можно констатировать нарастающий в научном сообществе интерес к проблемам изучения особенностей культурфилософской методологии. Эта методология связана с решением проблемы самоидентичности народа, с поиском её источников. Пространство, окружающее человека, формируется в процессе взаимодействия природного и культурного комплекса, в его историческом и социальном месте бытия. Ценностные ориентиры занимают в этом пространстве особое место. В процессе развития национального бытия формируется ценностная шкала мест (природных, обустроенных человеком, отмеченных историей). Она определяется посредством выработки соответствующих критериев в различных социальных и культурных стратах (традиционной, научной, массовой, элитарной), а также на индивидуальном, групповом и национальном уровнях.

Бытие человека вписывает его деятельность и представления о его месте в мире в общие фундаментальные проблемы отношений «человек – природа – культура». Связь категории места с проблемой пространства, с его освоением и концептуализацией, а также с его «обнаружением», «раскрытием» и структурализацией (оно становится «видимым», когда оказывается наполненным, обозначенным разными объектами), позволяет предполагать, что данный подход имеет целостный характер. Георгий Гачев оставил нам красивую философскую гипотезу, согласно которой между разными народами не может существовать антагонизма, ведущего к конфликтам на межнациональной почве, так как каждый народ наделен определёнными ценными качествами, которыми могут не обладать остальные. Эти качества дополняют друг друга, поэтому все народы уникальны и вместе представляют полноценную силу человечества и выполняют свою планетарную задачу, определённую логикой мироздания. Вместе все народы представляют собой «большой симфонический оркестр», в котором каждый исполняет свою партию, играет свою роль. У каждого народа существует то, чего нет у другого. Познавать чужую культуру нужно так, чтобы узнавать в ней новое, непохожее, и, принимая это «не моё» как своё, становиться душевно богаче, гармоничнее и счастливее: «питать друг друга смыслами» [5: с. 423].

Сегодня очевидно, что самобытность разных народов не может являться причиной конфликтов между ними. Многообразие национальных культур

является необходимой базой здорового устойчивого развития человеческого общества. Не народы, а политическая власть использует национальные особенности разных стран для осуществления своих мировых амбиций.

Литература

1. *Белинский В.Г.* Собр. соч.: в 3 т. М.: Художественная литература, 1948. Т. 2: Общее значение слова литература. С. 84–118; Т. 3: Сочинения Александра Пушкина. С. 172–641.
2. *Бердяев Н.А.* Воля к жизни и воля к культуре // Бердяев Н.А. Смысл истории. Новое средневековье. М.: Канон+, 2002. С. 203–220.
3. *Бердяев Н.А., Букипан Я.М., Степун Ф.А., Франк С.Л.* Освальд Шпенглер и Закат Европы. М.: Книгоиздательство «Берег», 1922 // Бердяев Н.А. Смысл истории. Новое средневековье. М.: Канон+, 2002. С. 314–404.
4. *Гачев Г.Д.* Космо-Психо-Логос. М.: Академический проект, 2007. 511 с.
5. *Гачев Г.Д.* Национальные образы мира. М.: Советский писатель, 1988. 448 с.
6. *Гачев Г.Д.* Русская дума. Портреты русских мыслителей. М.: Новости, 1991. 272 с.
7. *Гумилёв Л.Н.* От Руси до России. М.: Айрис-пресс, 2002. 320 с.
8. *Гусейнов А.А., Луков Вал.А., Гуревич П.С.* Что означает крах мультикультурализма? // Вестник аналитики. 2011. № 3 (45). С. 79–102.
9. *Давыдова О.Е.* Методологические основы культурологии Г. Гачева: на стыке филологии и философии // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2013. № 2 (8). С. 94–102.
10. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М.: Известия, 2003. 607 с.
11. *Соловьев В.* Россия и Европа // Соловьев В. Сочинения: в 2 т. Т. 1: Философская публицистика. Национальный вопрос в России. Вып. 1. М.: Правда, 1989. С. 333–396.
12. *Трубецкой Н.С.* Европа и человечество. М.: Правда, 1998. С. 333–396.
13. *Шпенглер О.* Закат Европы: в 2 т. М.: Айрис пресс, 2004. Т. 1: Образ и действительность. 528 с.; Т. 2: Всемирно-исторические перспективы. 624 с. (Сер. «Библиотека истории и культуры».)

Literatura

1. *Belinskij V.G.* Sobr. coh.: v 3 t. M.: Xudozhestvennaya literatura, 1948. T. 2: Obshee znachenie slova literatura. S. 84–118; T. 3: Sochineniya Aleksandra Pushkina. S. 172–641.
2. *Berdyayev N.A.* Volya k zhizni i volya k kul'ture // Berdyayev N.A. Smy'sl istorii. Novoe srednevekov'e. M.: Kanon+, 2002. S. 203–220.
3. *Berdyayev N.A., Bukshpan Ya.M., Stepun F.A., Frank S.L.* Osva'd Shpengler i Zakat Evropy'. M.: Knigoizdatel'stvo «Bereg», 1922 // Berdyayev N.A. Smy'sl istorii. Novoe srednevekov'e. M.: Kanon+, 2002. S. 314–404.
4. *Gachev G.D.* Kosmo-Psixo-Logos. M.: Akademicheskij proekt, 2007. 511 s.
5. *Gachev G.D.* Nacional'ny'e obrazy' mira. M.: Sovetskij pisatel', 1988. 448 s.
6. *Gachev G.D.* Russkaya дума. Portrety' russkix my'slitelej. M.: Novosti, 1991. 272 s.
7. *Gumilyov L.N.* Ot Rusi do Rossii. M.: Ajris-press, 2002. 320 s.

8. *Gusejnov A.A., Lukov Val.A., Gurevich P.S.* Chto oznachaet krax mul'tikul'turalizma? // *Vestnik analitiki*. 2011. № 3 (45). S. 79–102.
9. *Davy'dova O.E.* Metodologicheskie osnovy' kul'turologii G. Gacheva: na sty'ke filologii i filosofii // *Vestnik MGPU. Seriya «Filosofskie nauki»*. 2013. № 2 (8). S. 94–102.
10. *Danilevskij N.Ya.* Rossiya i Evropa. M.: Izvestiya, 2003. 607 s.
11. Solov'ev V. Rossiya i Evropa // Solov'ev V. *Sochineniya: v 2 t. T. 1: Filosofskaya publicistika. Nacional'ny'j vopros v Rossii. Vy'p. 1.* M.: Pravda, 1989. S. 333–396.
12. *Trubeczkoj N.S.* Evropa i chelovechestvo. M.: Pravda, 1998. S. 333–396.
13. *Shpengler O.* Zakat Evropy': v 2 t. M.: Ajris press, 2004. T. 1: *Obraz i dejstvitel'nost'*. 528 s.; T. 2: *Vsemirno-istoricheskie perspektivy'*. 624 s. (Ser. «Biblioteka istorii i kul'tury'».)

I.A. Birich,

O.E. Davydova

The Study of National Being in the Context of the Philosophy of Culture

The article considers culture as a spiritual phenomenon of national being and reveals the dialectics of the universal laws of living of peoples and manifestation of their national identity.

Keywords: historical memory of the people; cultural tradition; ethnos; «places of development»; nation; national culture; national space; national logos; the national image of the people.